

КАМЕРУНСКАЯ НОВЬ

В. КАТИН

СУДЬБА СТРАНЫ

КАМЕРУН — страна очень своеобразная. Специфика ее даже не в природных условиях, не в обилии этнических групп, хотя и то и другое представлено здесь ярко, щедро, многообразно. На мой взгляд, особенность Камеруна прежде всего в его истории.

Судьба страны сложилась трудно: сначала колония Германии, потом территория была поделена между Францией и Англией. Уже по одной этой вехе в биографии Камеруна ясно, что народу пришлось испытать на себе жестокость и изощренность колониализма трех западных держав. Вполне понятно, что это обстоятельство наложило отпечаток на страну. Прямым наследием колониализма является ее хозяйственная и культурная отсталость.

Что же представляет собой Камерун теперь, какими идеалами, интересами живет республика?

В этих записках я хочу поделиться своими впечатлениями об одном камерунском докторе, с которым познакомился при неожиданных обстоятельствах...

НОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Столица Центральноафриканской Республики Банги. Ночь. Отель «Рок». Завтра утром мне лететь в Дуалу — экономический центр Камеруна. По случаю отъезда устраиваю прощальный ужин моим новым друзьям — африканским журналистам.

Сидим в саду отеля под мохнатой кроной манговых деревьев. В листве копошатся, повизгивают гигантские летучие мыши. Кто-то предлагает пойти в соседний бар, где есть помещение для игры в кегли. Отправляемся туда. Скоро входим в азарт, запуская в шеренгу деревянных бутылок тяжелое ядро. К нам присоединяется широкоплечий африканец в черной фетровой шляпе, с сигарой в зубах. С кеглями у него не очень получается, и наш неудачливый партнер предлагает переключить-

ся на стеклянные бутылки с пивом. Мы знакомимся. В разговоре я обмолвился, что утром лечу в Дуалу.

— Доктор Хаппи, из Дуалы, — представляется африканец. — Тем же рейсом, что и вы, возвращаюсь завтра к себе.

Прежде мне приходилось слышать и читать о традиционном африканском гостеприимстве. Бывая в странах Африки, я познал любезность и радушие малагасийцев, сенегальцев, мавританцев, жителей Берега Слоновой Кости, Чада. На этот раз гостеприимство камерунца проявилось как-то неожиданно быстро и конкретно. Доктор Хаппи заявил, что с аэродрома в Дуале мы поедем к нему.

— Вы остановитесь у меня. Я вас познакомлю с Камеруном!

Я знал, что отказаться в таком случае — значит обидеть, а может быть, и потерять интересного человека.

Мы допили наше пиво, метнули несколько раз непослушное ядро и расстались до завтра.

В ГОСТЯХ У ХАППИ

Известность доктора Хаппи я оценил только тогда, когда мы прибыли в Дуалу. В таможене чиновники брали под козырек, даже не заглянув ни в паспорт доктора, ни в багаж. Ему услужливо несли чемодан, здоровались на каждом шагу. Мы сели в такси. Шофер, не спрашивая адреса, привез нас прямо к дому доктора.

Небольшой двор перед одноэтажным домиком на окраине Дуалы. По двору бродят куры. Рядом лесопильное предприятие, слышно, как воеет диск электропилы. Поднялись на крыльцо и сразу попали в гостиную — двери в доме нет, дверь снята с петель.

В просторной комнате по стенам развешено африканское оружие, музыкальные инструменты; на полках, на журнальном столике много книг, периодических изданий. Пробегаю глазами по корешкам — все на медицинские темы.

Доктор знакомит с женой. Молодая женщина сидела за учебниками, готовясь к выпускным экзаменам в колледже. Лет ей, вероятно, семнадцать, не больше.

— Сейчас будем обедать, — сказал Хаппи и включил большой вентилятор, вмонтированный в потолок. Лопастивесла завертелись, набирая скорость. Повевало прохладой.

Мне отвели небольшую комнату с установкой для охлаждения воздуха. Аппарат был очень старой конструкции и громышал, словно трактор. Умылся, вышел в гостиную. Развалился на диване, доктор пел, аккомпанируя себе на гитаре. Я сел напротив, слушал, наблюдал. Он пел с закрытыми глазами на каком-то местном языке, пел то монотонно, протяжно, то бурно, отбивая на гитаре ритмичную дробь тамтамов. Хаппи отложил инструмент, внимательно взглянул на меня:

— Я так отдыхаю, когда усталый. Я чертовски устал в Центральноафриканской Республике.

Спросить о том, что он делал в Банги, я не успел: нас позвали к столу. Доктор живо вскочил с дивана, увлекая меня за собой.

Национальная африканская кухня имеет две особенности. Во-первых, блюда готовятся абсолютно пресными, без соли. Во-вторых, к этим блюдам подают целый набор острейших приправ, перца, пряностей, специй. Не зная их остроты, можно так переборщить, что из глаз хлынут слезы, а во рту будет долго польхать пожар. Мы ели запеченную в каких-то пряных листьях белую рыбу, жесткое козье мясо. Вместо хлеба — лепешки из маниоки. Клубни этой культуры похожи на крупные картофелины. Маниоку толкут, превращают в волокнистую белую массу, затем тщательно сушат. Получается своеобразная крахмальная мука, ее широко употребляют в пищу во всех странах Тропической Африки. Из маниоки готовят множество блюд, пекут лепешки и блины. На десерт подали пахнущие еловой шишкой мясистые плоды манго.

Обед проходил в оживленной беседе. Я расспрашивал Хаппи о его жизни. Вот что он рассказал:

— Случилось так, что свое детство и юность я провел с родителями во Франции, куда они уехали в поисках заработка, спасаясь от голода и нищеты. Мы жили в Марселе. Я работал и учился. Закончил школу. И опять работал и учился. Стал врачом. Предлагали хорошие места во Франции, но меня всегда тянуло на родину. Ностальгию усиливало сознание, что я чрезвычайно нужен стране как врач. Ведь в Камеруне на пять с половиной миллионов жителей всего 65 врачей-африканцев. В новом независимом государстве должно расти здоровое поколение. Борьба за такое поколение — наша забота и долг. Я чувствую себя ответственным, обязанным. В этом смысл моей жизни.

Лопастни вентилятора кружились под потолком, словно крылья диковинной птицы. Плотный 35-летний человек, резко жестикулируя, излагал свое жизненное кредо, свои понятия о долге, об ответственности перед нацией.

ДОРОГА В ЛУМ

Меня разбудил пронзительный вой сирены. В прорези решетчатых ставен угадывалось утро. Сирена продолжала выть, и я догадался, что это электропила.

За утренним чаем доктор Хаппи просвещал меня в лесопильном деле. Леса покрывают свыше трети территории Камеруна, леса — одно из главных его богатств. Это ценные породы розового, красного и черного дерева, из которого в Европе и США делают дорогую мебель, антикварные вещи. Спрос на тропическую древесину постоянно растет. Американские миллионеры, например, завели моду строить загородные виллы целиком из черного или красного дерева. В Камеруне работает около 40 лесопильных заводов, поставляющих древесину на экспорт. Леса в стране, как и недра, принадлежат государству. Чтобы получить разрешение на эксплуатацию участка, нужно согласие компетентных органов с уплатой установленных налогов. На таких условиях многие иностранные компании арендуют и разрабатывают лесные участки.

После завтрака садимся в темно-синий «Пежо» и едем по улицам Дуалы. Портовый город Дуала — один из красивейших африканских городов. Характерная

черта его облика — динамизм, учащенный пульс жизни. А жизнь в Дуале исключительно деловая. Банки, фирмы, компании, фабрики, портовые краны, океанские корабли, переключки паровозных гудков, выкрики газетчиков, потоки автомашин, эстакады мостов — такой мне запомнилась Дуала за те дни, которые я провел в экономической цитадели Камеруна.

Мы выехали за город и сразу оказались в густом тропическом лесу. Узкая дорога в тропиках похожа на дно ущелья: кругом гигантские стволы, лианы, небо далеко, видна лишь голубая полоска — проекция дороги вверх...

— Куда мы едем? — спрашиваю доктора.

— В городок Лум, за сто километров отсюда. В Луме клиника, которой я заведу. Далековато! Много времени теряется на дорогу. Но ничего не поделаешь. Врачей в Луме нет, а люди болеют.

ИСЦЕЛИТЕЛЬ

В Луме доктора ждали. Ждали и пациенты и обслуживающий персонал. Деревянное одноэтажное здание больницы разделено на три секции: мужское и женское отделения и приемный кабинет. Пациенты дожидались приема на веранде, сидели на скамеечках во дворе. Территория перед фасадом здания огорожена невысоким заборчиком, задний двор выходит на поляну, откуда начинаются джунгли.

Хаппи поздоровался с собравшимися на террасе персоналом, облачился в белоснежный нейлоновый халат с короткими рукавами, надел кокетливый белый чепчик. И вдруг разразился гневной тирадой, гремя зычным басом, топая ногами, жестикулируя. Оказалось, что в бачке, куда он похода заглянул, не было ни капли питьевой воды. Во время обхода больных Хаппи неоднократно устраивал разнос фельдшеру и сестрам, обнаружив неточность в исполнении своих предписаний.

— Нет, вы посмотрите на них, посмотрите! — обращался ко мне Хаппи, тыча пальцем в провинившихся. Очевидно, присутствие постороннего, по замыслу доктора, должно было сильнее пристыдить нерадивых. — О, эта беспечность, отсутствие дисциплины — бич всей Африки, это наше несчастье. Африканцы все делают наоборот или вообще ничего не делают, отлынивают. Их надо постоянно тормошить, приучать к порядку. Иначе — пропадем!

Доктор делал обход палат. Мы ходили за ним гурьбой — фельдшер с блокнотом, медицинские сестры с приборами, медикаментами. Осмотрев и выслушав больного, доктор давал указания, фельдшер записывал. Тощего полуживого старика Хаппи вертел, выслушивал особенно долго. «Мы испробовали все средства. Ничего не помогает. Придется делать операцию послезавтра».

Молодая недавно родившая женщина чувствовала себя хорошо. Ребенок спал тут же с ней рядом на дощатой кровати.

— Через два дня выписывать, — приказал врач.

Я видел потом из окна больницы, как эта женщина вышла на задний двор, нацепила из железной бочки воды в эмалированный таз и, присев под деревом, стирала пеленки.

Нужно отметить, что обстановка в африканской больнице отличается простотой нравов. Например, в палатах на деревянных койках лежат в одежде, в чем пришли; если очень жарко, то — в трусах. Как правило, у всех больных страдальческое выражение лица. Дело в том, что кладут в больницу только тех, кто уже совсем не в состоянии ходить или назначен на операцию. К больному в любое время могут зайти родственники, знакомые.

Обход закончен. Хаппи приступает к приему пациентов. Меня поразило, что он врачевал все болезни! Он был глазником, стоматологом, терапевтом, кожным...

— Чему вы удивляетесь? — в свою очередь удивляется Хаппи. — Откуда нам взять специалистов узкого медицинского профиля? В Африке каждый врач должен быть универсалом. Да, да, и операция я делаю сам, и зубы держу, и пупки перевязываю новорожденным, и трахому лечу.

Растаяла очередь на прием к доктору. Одни ушли исцеленные, другие — с надеждой на исцеление.

Время за полдень.

БУДУЩИЕ МЕДИКИ

Я сидел в тени на скамейке больничного двора. Подошли две девушки в белых халатиках, поздоровались, присели рядом. На фоне белой ткани цвет негритянской кожи кажется особенно густо-черным, с каким-то синеватым оттенком. Приветливость камерунок располагала к беседе.

Девушки представились как слушательницы фельдшерских курсов, созданных при клинике доктором Хаппи. То, что доктор занимается педагогической деятельностью, для меня было ново. Я хотел подробнее расспросить об этом начинании, но девушки вдруг заторопились: на веранде больницы показался Хаппи.

Мне, иностранцу, трудно судить, насколько прав Хаппи в своих суждениях о соотечественниках, когда критикует их за плохую исполнительность и слабую дисциплину. Может быть, он в какой-то степени и прав. Однако я знаю твердо, что молодое поколение Африки живет не вразвалку, ритм его жизни настроен на волну нашего века, ему свойственны благородные идеалы. На моих глазах тридцать юношей и девушек бесшумно и быстро расселись рядами, замерли с раскрытыми для конспектов тетрадами.

Доктор подошел к черной доске, взял пачку цветных мелков, и лекция началась.

Фельдшерские курсы Хаппи создал, как у нас говорят, «на общественных началах». Денег со своих слушателей он не берет; практику они проходят тут же в клинике, попеременно дежуря, ухаживая за больными. Наиболее способных после окончания курсов Хаппи направляет на работу в большие клиники Дуалы и Яунде с обязательным продолжением учебы.

Назад в Дуалу мы возвращались со скоростью 160 километров в час. Накрапывал дождь. О крутых опасных виражах нас предупреждал оригинальный дорожный знак: череп и кости. Но доктор не сбавлял скорости, доктор торопился — впереди сегодня еще масса дел!

ПРЕРВАННЫЙ ОБЕД

Когда мы вернулись в Дуалу, нас уже ждал накрытый к обеду стол. Доктор пожалел о том, что не выкроил нескольких минут для своего любимого отдыха — пения на диване. Хаппи утверждает, что это очень эффективное средство от усталости, причем средство народное. В некоторых африканских племенах уставшие охотники первым делом берут в руки музыкальный инструмент и, удобно расположившись, затягивают песню. Поют с закрытыми глазами, как бы в дреме, расслабив мышцы, находясь в прострации.

Итак, на этот раз Хаппи не удалось отдохнуть. Не пришлось ему

также и пообедать. Едва мы сели за стол, как зазвонил телефон: доктора срочно вызвали в городской госпиталь, требовалась неотложная операция. И он уехал.

Я отправился бродить по улицам Дуалы, размышляя об этом неожиданно встретившемся мне человеке. За годы, проведенные в Африке, я повидал немало людей, подобных доктору Хаппи, — целеустремленных, самоотверженных создателей. Это люди новой формации. Порой не в силу своих убеждений, а инстинктивно они отвергают капиталистические идеалы, не прельщаются «западным образом жизни», наживой, личной выгодой. Получив образование на Западе, они нетерпимо, болезненно относятся к недостаткам у себя в Африке, ибо зорче видят эти недостатки и отсталость. Мой новый знакомый, камерунский доктор, — один из таких людей, которые, засучив рукава, преобразуют колониальный облик африканского континента. Логика таких энтузиастов проста, формулируется лаконично: если не мы, то никто другой.

Помню, как в столице Берега Слоновой Кости — Абиджане на приеме в роскошном отеле «Ивуар» представитель французской кофейной фирмы перечислял, загибая пальцы, те блага, которые европейцы якобы принесли африканцам. Местный журналист Додо, улыбаясь, тронул его за рукав: «Полноте! Когда вы создавали средства борьбы с тропическими болезнями, то думали-то о себе, а не о нас. Когда вы строили больницы для африканского населения, то стремились обезопасить себя, и только себя, от эпидемий, хотели иметь здоровую, а значит, и продуктивную рабочую силу. Когда вы прокладывали до-

роги, то это для своего большого бизнеса. Стыдитесь же выставлять ненавистный нам колониализм флантропом, стыдитесь!» Он был совершенно прав, Додо. Именно поэтому все прогрессивное, что делается сейчас в африканских странах, в корне отличается по целям и масштабам от культурно-просветительных подачек колониальных времен. Я не хочу сказать, что в Африке сплошь и рядом можно встретить таких самоотверженных людей, как Хаппи. Далеко не так. Но они есть, эти беспокойные, бескорыстные альтруисты, и своими делами они подхлещивают других, зажигают, расшевеливают. Я убежден, что тридцать будущих фельдшеров из Лума хотя бы похожими на доктора Хаппи, поставившего их на ноги...

В дом Хаппи я вернулся поздно вечером. В гостиной горел свет. Доктор с карандашом в руке читал свежие медицинские журналы.

— Как прошла операция? — спросил я.

— Пока больному лучше.

— Вы сразу же вернулись домой?

— О нет! Потом принимал больных в госпитале. Кажется, человек тридцать. Давал консультации.

— Простите, доктор, а ваша поездка в Центральноафриканскую Республику, где мы познакомились...

— По приглашению президента ЦАР безвозмездно работал в столичной больнице, помогал дружественной стране. У них ведь тоже не хватает врачей.

На этом я кончаю свои записки о докторе Хаппи из Дуалы. Думаю, что рассказ о нем поможет читателю немного лучше понять людей сегодняшней Африки.

АПАРТХЕЙД В МЕДИЦИНЕ

150 врачей-африканцев провинциальной больницы в Натале (ЮАР) подали в отставку, протестуя против низкой оплаты труда: они получали в половину меньше, чем врачи-белые. Это немедленно сказало на медицинском обслуживании африканцев, которое и без того нельзя назвать удовлетворительным. Больницы «для черных» всегда переполнены. Больные лежат в проходах между койками и даже под кроватями. Детей кладут по двое — по трое на койку. Врачам приходится работать с огромной нагрузкой, чтобы принять всех больных.

Тем не менее демонстративная отставка заставила правительство повысить зарплату небелым врачам, но соответственно были повышены и оклады белых медиков. Теперь они получают на одну треть больше «черных». Апартхейд вынудил многих врачей покинуть страну.

Марокко. Своеобразен наряд берберских женщин. Он защищает их от песчаных бурь Сахары.

Фото В. Катина